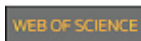

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Соловьева С. А. Система средств субъектного дейксиса в ранней прозе Б. Л. Пастернака / С. А. Соловьева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 141—156. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-141-156.

Soloveva, S. A. (2022). System of Subjective Deixis Means in B. L. Pasternak's Early Prose. *Nauchnyi dialog*, 11(1): 141-156. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-141-156. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-141-156

Система средств субъектного дейксиса в ранней прозе Б. Л. Пастернака

Соловьева Светлана Александровна
orcid.org/0000-0001-7688-2108

кандидат филологических наук, доцент
кафедра социальных
коммуникаций и медиа
ssa_doc@mail.ru

Череповецкий
государственный университет
(Череповец, Россия)

System of Subjective Deixis Means in B. L. Pasternak's Early Prose

Svetlana A. Soloveva
orcid.org/0000-0001-7688-2108
PhD in Philology, Associate Professor
Department of Social
Communications and Media
ssa_doc@mail.ru

Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)

© Соловьева С. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются средства и приемы субъектного дейксиса, участвующие в организации форм субъективно-авторского повествования. Определяется их роль в формировании стратегий интерпретации текста. Актуальность проблемы связана с особенностями материала исследования — текстов ранней прозы Б. Л. Пастернака, монтажность которых проявляется в чередовании точек зрения, нелинейности структуры. Это осложняет процесс читательской интерпретации. Использование методов сплошной выборки, описательного, контекстуального видов анализа и интерпретативного позволило выявить специфику языковых средств субъектного дейксиса, систему дейктических отношений. Анализ показал, что отсутствие маркированных переходов между экзегетическим (повествование от третьего лица) и диегетическим (изложение от первого лица) повествователями приводит к тому, что дейктический функционал закрепляется одновременно за комплексом языковых средств, используемых в рамках одного высказывания или фрагмента текста. Выявлено, что это личные местоимения и дискурсивные элементы, активизирующие внимание читателя. Установлено, что непоследовательность в использовании форм субъективно-авторского повествования приводит к образованию гибридных моделей. Делается вывод, что она отражает процесс авторского поиска, попытку установить дейктический паритет (синхронность восприятия) между автором, героем, читателем и «наблюдателем», формирует новые отношения в системе автор — читатель.

Ключевые слова:

дейктический модус; дейктический паритет; субъектный дейксис.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The means and methods of subjective deixis, participating in the organization of the forms of subjective-author's narration is analyzed in the article. Their role in the formation of text interpretation strategies is determined. The relevance of the problem is associated with the peculiarities of the research material — the texts of the early prose of B. L. Pasternak, the montage of which is manifested in the alternation of points of view, the nonlinearity of the structure. This complicates the process of the reader's interpretation. The use of methods of continuous sampling, descriptive, contextual and interpretive types of analysis made it possible to reveal the specifics of the linguistic means of subjective deixis, the system of deictic relations. The analysis showed that the absence of marked transitions between exegetical (third-person narration) and diegetic (first-person narration) narrators leads to the fact that the deictic functional is simultaneously assigned to a complex of linguistic means used within the framework of one utterance or text fragment. These are personal pronouns and discursive elements that activate the reader's attention. Inconsistency in the use of forms of subjective-author's narration leads to the formation of hybrid models. It reflects the process of the author's search, an attempt to establish deictic parity (synchronicity of perception) between the author, character, reader and "observer", forms new relations in the author-reader system.

Key words:

deictic mode; deictic parity; subjective deixis.

Система средств субъектного дейксиса в ранней прозе Б. Л. Пастернака

© Соловьева С. А., 2022

1. Введение = Introduction

Антропоцентризм современной лингвистики тесно связан с понятиями когниции, процессами обработки информации, интерпретацией, определяемой Н. Н. Болдыревым как «проекция мира, или мир, “погружённый” в индивидуальное сознание человека» [Болдырев, 2011, с. 11]. Согласно концепции Гадамера, интерпретация является одним из способов понимания текста, способом его объективации [Гадамер, 1988, с. 452]. В работах К. Бюлера [Бюлер, 1993], Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева [Булыгина и др., 1997], В. З. Демьянкова [Демьянков, 1994], И. И. Ковтуновой [Ковтунова, 1986], А. В. Кравченко [Кравченко, 2011], Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 2004], Ю. С. Степанова [Степанов, 1981] и других исследователей интерпретация представлена как дейктическое единство, основой которого может служить когнитивная триада «субъект — место — время». Понимание текста предполагает его когнитивную обработку и является стратегическим процессом, в результате которого конструируется определенное ментальное представление [Т. ван Дейк и др., 1988]. Понятие «стратегии понимания» было введено в 1970 году Бивером в связи с рассмотрением некоторых проблем понимания предложения [Там же]. В данном случае это понятие применяется на текстовом уровне, а в качестве наиболее важного типа стратегий, выделяемых Т. ван Дейком и Кинчем, выделяется **продукционная**, связанная с построением автором макроструктуры (семантического плана текста). Продукционные модели связаны со стратегическим управлением текстовой базой на локальном и линейном уровнях, с выбором системы эксплицитных и имплицитных средств и приемов, выявление которых создает условия для конструирования стратегий читательской интерпретации. Прежде всего к ним относятся средства субъектного дейксиса, одной из основных функций которых является участие в организации форм субъективно-авторского повествования, позволяющего включить адресата (читателя) в пространство говорящего [Падучева, 1996].

Так как дейктическая функция является универсальным свойством практически любой языковой единицы [Кравченко, 1992, с. 192; Пирс, 2001, с. 24], проблемы понятийного содержания категории дейксиса, объема языковых средств, точки отсчета являются нерешенными до сих пор.

В рамках синтактико-дискурсивного подхода дейксис рассматривается как дейктический сдвиг (*deictic shift theory*) [Duchan et al., 1995], основу которого составляет метафора (когнитивная модель) перенесения читателя внутрь повествуемого мира [Segal, 2002, с. 15]. В результате этого читатель получает собственную точку зрения в рамках нарратива и воспринимает описываемые события в её перспективе. В формируемом ментальном пространстве существует здесь и сейчас, отличное от реальных координат, в которых находится читатель. Дейктические элементы, отображающие чужое сознание, могут отсылать читателя к людям, местам, вещам, событиям и отношениям внутри текстового мира, независимо от того, предшествуют они точке отсчета или следуют за ней [Ibid., 1995, с. 17]. Перемещение читателя из одного дейктического поля в другое формирует в процессе чтения в сознании читателя подвижный, когнитивно-вариативный мир (*cognitively negotiable world*) [Stockwell, 2002, с. 43—46].

В концепции М. Я. Дымарского дейктический сдвиг рассматривается как функционально-семантическая текстовая категория — дейктический модус, —которая базируется на значениях референциальной определенности / неопределенности всех содержащихся в тексте элементов субъектной, временной и пространственной семантики [Дымарский, 1999, с. 348]. Его когнитивной основой является дейктический паритет — синхронность восприятия между говорящим и адресатом. Этот паритет оказывается возможным благодаря тому, что и автор, и читатель воспринимают художественный мир глазами персонажа, что, по мнению Н. А. Сребрянской, позволяет объединить их в одну категорию — наблюдатель [Сребрянская, 2005, с. 72]. Термин *модус текста*, очевидно, подразумевает интерпретативную информацию, от которой зависит возможность построения модели изображаемого мира [Дымарский, 2001, с. 267].

Целью данной работы является анализ функционирования средств субъектного дейксиса в ранней прозе Б. Пастернака. Прежде всего к ним относятся дейктические элементы, формирующие категорию дейктического модуса, связанного с актуализированным чередованием точек зрения, сменой повествователей, включением в текст ментативных (дискурсивных) компонентов.

Актуальность исследования заключается в том, что в анализируемой прозе, рассматриваемой нами как модернистская проза монтажного типа, дейктические приемы и средства, фокусирующие внимание читателя, приобретают особую значимость в формировании стратегий интерпретации текста.

Функционирование средств субъектного дейксиса рассматривается в аспекте отношений автор — текст — читатель, требующих от адресата активного сотворчества, что определяет новизну подхода.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Материалом исследования стала ранняя проза Б. Пастернака 1910—1920 годов. В неё входят все прозаические тексты, объединенные в полном собрании сочинений Б. Л. Пастернака в разделы «Первые опыты», «Неоконченная проза», «Повести». Произведения создавались в период активного поиска новой формы, стиля, испытывали огромное влияние поэзии [Гаспаров, 1996; Жолковский, 2011; Фатеева, 2010; Якобсон, 1987].

В исследовании они охарактеризованы как тексты монтажного типа. Нелинейность структуры, фрагментарность, отсутствие фабулы, прерывность пространственно-временных и причинно-следственных связей, смена точек зрения формируют условия для множественности их текстовых интерпретаций.

Система средств субъектного дейксиса в ранней прозе Б. Л. Пастернака не становилась объектом научного исследования.

В анализируемой художественной прозе сдвиг характера локализации автора в структуре текста маркируется, становясь способом «дискурсивизации». В том случае, если дейктический модус приобретает значение неопределенности, дейктический паритет утрачивается, а пространственно-временные и логические мотивировки смещаются, читатель вынужден самостоятельно искать в тексте объяснения происходящего, опираясь на систему средств субъектного дейксиса, которая в структуре текста монтажного типа может подвергаться самым разнообразным модификациям.

Применение метода сплошной выборки, описательного метода, контекстуального анализа и интерпретативного метода позволяет выявить языковые средства субъектного дейксиса, определить их функциональную специфику, систему дейктических отношений, активирующих читательское внимание путем включения определенных когнитивных механизмов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Специфика субъектного дейксиса в ранней прозе Б. Л. Пастернака

Специфика ранней прозы Пастернака заключается в том, что переходы между экзегетическим (изложение от третьего лица) и диегетическим (изложение от первого лица) повествователями (смена точки отсчета) не всегда четко маркируются. Дейктический функционал закрепляется одновременно за комплексом языковых средств, используемых в рамках одного высказывания или фрагмента текста. Это и личные местоимения (средства персонального дейксиса), и средства диалогизации (дискурсивные элементы), выполняющие роль вторичных дейктических элементов, активизирующих внимание читателя и формирующих имплицитную диалогичность текст. В совокупности они образуют сетку дейктических координат, каж-

дая из которых должна удерживать внимание читателя и определить направление его движения от одной точки отсчета к другой (из дейктического поля одного персонажа в дейктическое поле другого). Опираясь на систему дейктических указателей, читатель получает возможность адекватной интерпретации текста.

3.2. Формы повествования от первого лица как средство субъектного дейксиса в ранней прозе Б. Л. Пастернака

Одним из средств субъектного дейксиса является использование форм повествования от первого лица, которые встречаются только в ранней прозе Б. Л. Пастернака. Они отличаются мерой конкретности повествователя, его позиции, характером адресата, композиционным оформлением и языковым выражением. Фрагментарно появляясь в начале текста, они часто не выдерживаются до конца, выполняя функцию напоминаний читателю о том, что где-то есть кто-то, кто имеет к тексту определенное отношение. С точки зрения способов языкового выражения они традиционны. Прежде всего, это эксплицированные формы, занимающие актуальную позицию начала текста: *Я спускался по Третьяковскому проезду (1910); Вероятно, я рассказываю сказку. Только одно заставляет меня так подумать, только свойство того пространства, в котором разворачивались эти события, естественные сами по себе и лежавшие в природе вещей* [Пастернак, 1991, с. 749]; *Прежде всего мне хочется говорить о той были, которая появляется иногда на пороге вдохновения...* [Там же, с. 777]. Часто они выполняют роль рамочного компонента, вводящего в текст повествования.

Особый интерес представляют случаи указания на первое лицо, являющееся точкой отсчета в ситуации прямого наблюдения: *В это время через сыпучие толпы и пролетки, не сворачивая, пересекает кто-то площадь по направлению ко мне ... Вот, вот, вот, он подходит, почти разбежавшись, и тут происходит что-то странное, с движением ныряющего он бросается под ноги прохожим студентам и припадает к тротуару, где возня подкинутых кленовых огарков; он вынимает карандаш ... и заносит его экстаическим движением над бормочущими листьями ...* [Там же, с. 714]. Позиция наблюдателя, не формализованная модусной рамкой (*вижу, что*), усиливается системой языковых средств: паратактическими конструкциями с предикатами, выраженными глагольными формами настоящего актуального, повтором указательных частиц, синтаксическим параллелизмом в структуре сложного предложения (он подходит, он бросается и припадает, он вынимает и заносит). В совокупности они придают особую реалистичность изображаемому и способствуют объединению точек отсчета наблюдателя и читателя. В повести «Апеллесова черта» (1915) прием

усложняется за счет использования дискурсивных элементов, создающих иллюзию диалога с читателем, параллельным конструированием разных пространств, синтезом модусов восприятия (слухового и зрительного): *В один из сентябрьских вечеров, ... ба, да я ведь точно помню число то: 23 августа, вечером, — Эмилио Релинквимини, не застав Гейне в гостинице, потребовал у подобострастно расшаркивающегося лакея бумаги и огня. <...> Гейне, утомленный дорогой, спит мертвым, свинцовым сном. Жалюзи в его номере, нагретые дыханием утра, горят, точно медные перепонки губной гармоники. Соломинки сплываются, теснятся, жмутся друг к другу. На улице — невнятный говор ... Проходит час. Соломины уже плотно прилегают друг к другу, уже солнечного лужицей растекается по полу плетенка. На улице заговариваются, клюют носом, на улице заплетаются языки. Гейне спит. Солнечная лужица разжимается, словно пропITYвается ею паркет. Снова это — редящаяся плетенка из подпаленных, пlyingся соломин. Гейне спит. На улице говор. Проходят часы. Они лениво вырастают вместе с ростом черных прорезей в плетенке. На улице говор. Плетенка выцветает, пылится, тускнеет. Уже это — веревочный половик, свалывшийся, спутанный. Уже стежков и нитей не отличить от петьель. На улице — говор. Гейне спит.*

Сейчас он проснется. Сейчас Гейне вскочит, помяните мое слово. Сейчас. Дайте ему только до конца доглядеть последний обрывок сновиденья ...

От жара рассохшееся колесо раскалывается вдруг по самую ступицу, ... тележка со стуком, с грохотом падает набок ...

— Вот видите! Что я говорил! — Гейне вскакивает. — Сейчас! [Там же, с. 17].

Конструируемая ситуация восприятия определяется максимальной включенностью в процесс (здесь и сейчас). Местоимение *Я* фокусирует несколько точек зрения: и повествователя, и наблюдателя. Это поддерживается семантикой глагольных форм настоящего актуального и детализацией описания. Несомненно, велика роль вспомогательных синтаксических средств: повторов, параллельных синтаксических конструкций с временным детерминантом в актуальной позиции (*Сейчас*), который далее трансформируется в часть парцеллированной конструкции, а в конце фрагмента в реплику начавшегося диалога Гейне и лакея (*— Сейчас!*). Провести границу между голосами рассказчика и героя практически невозможно. В тексте повести это единственный момент, связанный с использованием позиции рассказчика-наблюдателя, обозначенного местоимением в форме первого лица. Удерживая внимание читателя на концептуально значимой позиции текста, оно реализует не только функцию засвидетельствованно-

сти, но и фатическую. В дальнейшем повествовании его голос сольется с голосом героя и растворится в форме повествования от третьего лица.

Использование форм первого лица часто необходимо для косвенной апелляции к читателю: *Часто многие из нас, если не все мы, стараясь стать загадкой для своих соседей по купе, попадаем в своеобразную и жалостливую поэзию полустанков, ... которая разыгрывается за нашим осенним, смоченным стеклом ... Словом, часто испытываешь, что нужно что-то сделать со стороны полей к полустанку, или хочется что-то услышать о таком переносе ...* [Там же, с. 752]. В этом случае читатель, ориентирующийся на классическую модель нарратива, склонен воспринимать содержание в плане ситуативно неактуализированного эпического настоящего. Эффект усиливается благодаря формированию обобщенной семантики за счет введения определенно-личной и безличной структуры: *Словом, часто испытываешь, что ..., или хочется.* Целью дейксиса становится приобщенность читателя и засвидетельствованность им происходящего. Возникающая вторая нарративная модальность [Женетт, 1998, с. 944] — модальность знания — является данным (фактом утверждения) для автора и новым, возникающим в процессе интерпретации, для читателя. Отказ от этой стратегии взаимодействия с читателем произойдет позже.

3.3. Обращение к читателю как средство субъектного дейксиса в ранней прозе Б. Л. Пастернака

Формой проявления субъективного авторского повествования является обращение к читателю [Кожевникова, 1994, с. 82]. Таких случаев немного, они встречаются в повести «Петербург» 1917 года, «Воздушные пути» 1924 года и «Повесть» 1929 года и на первый взгляд не представляют собой ничего необычного. При этом читатель включается в повествование как лицо непосредственно присутствующее. Однако синтез разных форм повествования при их нарочитой выделенности приводит к образованию гибридных форм, каждая из которых получает характеристику инородности включения в текст, так как отсылает читателя «не туда». Так, в «Петербурге» сначала в форму повествования от третьего лица вводится фигура наблюдателя: *За ними наблюдал кто-то такой же свежий, такой же не слизанный языком однообразие, и этот наблюдатель назывался Жизнью. <...> Жизнь сразу же отметила своих и здесь. Во-первых, она им подсказала, что там, где топчутся, — и топчут ... Жизнь потому заглядывала в вагоны ... и предостерегала их: «Я здесь! <...>»* [Пастернак, 1991, с. 470].

Позиция повествователя становится неустойчивой, он не знает, что будет происходить, так как именно наблюдатель определяет дальнейшее развитие ситуации. Фокусирование внимания на герое, наблюдателе, де-

тали (*они — свои — жизнь — запах гари*) готовит почву для комментария, необходимого для формирования концептуально значимого смысла, и поэтому в качестве стратегического приема вводится фигура читателя. Фокусирование его внимания на концептуальном смысле, определяющем происходящее, другим способом невозможно. *Так на них ты различишь, читатель, в разных местах этой повести начавшее звучать, чтобы где-то прийти к созвучию и быть разрешенным в гармонию, время. — Время, одевшее на себя сегодня четыре разных тела* [Там же, с. 470]. Эта метаморфоза приводит к тому, что с данного момента главными действующими лицами становятся не герои, а время. Обращение к читателю, намеренно вовлеченному в обсуждение детали, и фокусирование внимания на его возможной реакции содержат объяснение использования приема: *Читатель удивится такой длительной остановке на, казалось бы, незначащем моменте различения ими этого петербургского запаха. Но в это ощущение вкладывалось ими так же инстинктивно, как трижды переписанный мазок живописцем, и так же упорно, как им его последний вкус. — Он знает, что то и есть возбудитель, он чувствует, что здесь ключ для зрителя, — что им он вскрывает тайну своего наблюдения, вводит в намагниченную творческую среду. Этот мазок неразличим отдельно, но он то и дает зрителю фокус картины* [Там же, с. 471]. Построение смысловой парадигмы: Жизнь — Время (в облики четырех) — запах гари (основной стимул поступка, ключ к разгадке, последний мазок) — становится той ниточкой, которую должен обнаружить читатель. Приемы обращения к читателю, введение наблюдателя, метаморфоза композиционно находятся в начале текста, выполняют роль введения в драму, где определен список действующих лиц, место, время и условия развития действия. Дейктический паритет, синхронность восприятия между говорящим и адресатом нарушается. Сдвиг характера локализации автора становится средством «дискурсивизации» текста [Арутюнова, 1990, с. 136—137; Дымарский, 1998]: *От четырех скул, взятых нами под наблюдение, как корпей, рвалась простыня туманов на чью-то рану. Четырехглазому пешеходу казалось знакомым ... Он предчувствовал уже по вступлению, как скорлупе опавшему и поврежденному маской лица белый гипс туманов, — что эта наступающая ночь (а до неё оставалось еще столько шагов, сколько надо для того, чтобы и мы, идя за ними, могли бы быть достаточно подготовленными к встрече), что эта ночь покроем своим «сегодня» значение города со всеми двухсотлетними его аксессуарами* [Пастернак, 1991, с. 472]. Получая необходимые сведения, читатель приобретает установку на разрыв связей между действиями, необходимость их восстановления, а стало быть, на внимательное прочтение.

Наблюдатель Жизнь, введенный в «Петербург», сохранит эти же позиции в «Детстве Люверс», превратившись там в самостоятельное действующее лицо.

В повести «Воздушные пути» (1924) при сохранении всех необходимых дифференциальных признаков введение фигуры повествователя и обращение к читателю окажутся еще более странным и отчасти искусственным приемом. В «Воздушных путях» ситуация начала, внешне подобная традиционному зачину, в дальнейшем повествовании приводит читателя в тупик, заставляя вновь возвращаться в начало. Автор как будто предлагает читателю индуктивным путем реконструировать сигнификативную ситуацию при минимальном количестве информационных опор для такой реконструкции. Появление же в тексте обнадеживающего рассказчика тоже приводит в тупик: *Когда, наконец, полетят и обе пары рельсов полетят вдоль косых плетней, спасаясь от черной водяной ночи, спущенной на них; когда, бушующая, впопыхах она на бегу прокричит вам, чтобы вы ее не боялись, что ее зовут ливнем, любовью и еще как-то, я расскажу вам, что родители похищаемого мальчика с вечера вычистили свое пике и было еще очень рано, когда, белоснежные, как на партию тенниса, они прошли темным еще садом и вышли к столбу с обозначением станции в то самое мгновение, как пузатая тарелка паровика, выкатываясь из-за огородничества, обволокла турецкую кондитерскую клубами желтого, одышлого дыма... Льет дождь, льет как из ведра. Я приступаю к обещанному. Над канавой трещат ветки орешника. Две фигуры бегут по полю. У мужчины черная борода. Косматая грива женщины бьется по ветру. У мужчины зеленый кафтан и серебряные серьги, на руках он держит восхищенного ребенка. Льет, льет как из ведра* [Там же, с. 37]. Вместо обещанного читатель получает метафорическое изображение мифических образов (цыган, предположительно имеющих отношение к исчезновению ребенка). Миф так и остается мифом, так как, очевидно, появившись в сознании, реально он не подтверждается. Сама же интрига окажется достаточно понятной, как бывает в жизни, и будет введена в текст одной репликой: *Это ваш ребенок*. Однако система языковых средств, используемых в метафорическом фрагменте, настолько значима и убеждение в обещанном столь сильно, что читатель вынужден неоднократно возвращаться назад, чтобы проверить, не упустил ли он что-то важное. Этот эффект усиливается в тексте разрывом временных линейных связей. Система смежных повторов и их трансформация (*Когда, наконец полетят... я расскажу вам; Льет дождь, льет как из ведра. Я приступаю к обещанному*), сопровождающаяся свертыванием структуры сложного многочленного предложения в два простых и усиливающаяся эффектом обманутого ожидания, становятся коммуника-

тивным центром во взаимодействии автор — читатель, так как сформированная установка на романтическое развитие событий не оправдывается и всё заканчивается трагедией с теми же действующими лицами. *Ради этого ли скромного наблюдения скрывает автор от читателя то, что ему так хорошо известно? Ведь лучше всякого другого знает он, что лишь только в поселке откроют булочные и разминутся первые поезда, как слух о печальном происшествии облетит все дачи и укажет наконец близнецам-гимназистам с Ольгиной, куда им доставить своего безымянного знакомого и трофей вчерашней победы* [Там же, с. 39]. Рассказчик больше не появится в тексте, повествование примет традиционную форму от третьего лица с элементами сказа, но именно эпизодическое, нестандартное включение рассказчика создает гибридную форму повествования.

3.4. Средства субъектного дейксиса в прозе Б. Л. Пастернака 20-х годов

В прозе Б. Л. Пастернака конца 20-х годов появятся новые способы актуализации точки зрения, указывающие на взаимопроникновение, слияние позиций автора и героя, попытку установить дейктический паритет. Одним из них является включение в текст других текстов. «Повесть» в этом смысле становится этапным произведением, отражающим процесс поиска наиболее приемлемой формы повествования, во многом закрепившей уже сложившиеся в ранней прозе тенденции. Определяя «Повесть» как «часть трех взаимно связанных работ»: романа в стихах «Спекторский» и «Трех глав из повести», — Пастернак отмечал, что в основе выбора формы лежит тематический принцип: «часть, приходящуюся на военные годы и революцию, я отдал прозе, потому что характеристики и формулировки, в этой части всего более обязательные и разумеющиеся, стиху не под силу» (Пастернак из письма П. Н. Медведеву, 28 января 1929 года) [Пастернак, 1983, с. 290]. Использование в начале «Повести» формы повествования от 1-го лица является приемом, направляющим внимание читателя и определяющим стратегию восприятия изложения, но уже в контексте гипертекстовых связей. «Но читателю лучше забыть об этих версиях, а то он запутается в том, кому из лиц какая, в окончательном розыгрыше, досталась доля. Часть их я переименовал; что же касается самих судеб, то как я нашел их в те годы на снегу под деревьями, так они теперь и останутся, и между романом в стихах под названием “Спекторский”, начатым позднее, и предлагаемой прозой разноречья не будет: это — одна жизнь» [Пастернак, 1991, с. 99]. Формируется авторская установка на совмещение нескольких текстов: романа в стихах «Спекторский», ранее опубликованных фрагментов «Три главы из повести» и «Повести». Полагаем, что их можно рассматри-

вать в аспекте межтекстовой интерференции, которая является условием особой монтажной организации текста «Повести».

Межтекстовая интерференция текстов романа в стихах «Спекторский», «Повести» и «Трех глав из повести» проявляется на уровне сходства в структурировании типа повествования в «Повести» и «Спекторском», заключающемся в трансформации перволичной формы повествования, намеченной в начале текстов, и выражении субъектно-объектных отношений в тексте, формируемых функционально-семантическим полем возвратности, тесно связанным с модусом восприятия и пространственно-временной организацией текста.

Повествование, обращенное к читателю, формирует иллюзию подлинности и достоверности. В тексте «Повести» содержится несколько авторских включений, одной из функций которых является определение читательской стратегии восприятия текста:

Та же причина разлучит и нас надолго с усольской квартирой ...

Это был первый черновой набросок из тех, что пишутся один или два раза в жизни, ночь напролет, в один присест.

Разумеется, это не подлинник Сережиной записи. Но он и сам не довел ее до конца ... Было задумано, что ... [Там же, с. 113].

Они отражают процесс дискурсивизации текста повести, конструируя процесс творения нового текста («текста в тексте» и «рамочного текста») [Лотман, 1992] и четко определяя его границы, значительно упрощая читательское восприятие текста. Появление в тексте второго Автора отменяет привычного читателю экзегетического повествователя. Он членится, образуя новую коммуникативную рамку, в которой субъекты не всегда четко разграничены. «Воспоминательный экстаз» (термин Женетта) [Женетт, 1998, с. 405], взгляд «вместе». Одновременно формируются признаки метапрозы [Дымарский, 2001]. Поэтому особенность нарратива в «Повести» заключается в фокусировке на повествователе, который сам персонажем не является, но часто принимает его точку зрения. Специфика приема заключается в том, что история, рассказанная персонажем, но от третьего лица, не имеет временной и модальной дистанции между историей и нарративной инстанцией. Формированию этой семантики, с нашей точки зрения, способствует система залоговых отношений, формируемых в тексте повести. При этом привычная активность героев сменяется рефлексивностью, проецируемой на окружающий мир. Актуализируется категория образно-поэтической перцептивности (термин А. В. Бондарко), связанная с поэтизацией образа среды, потенциально воспроизводимого в каждом новом акте прочтения данного произведения. Она актуализирует личностный характер переживания действительности перцептором, в чем и проявляется её связь с дейктическим модусом текста.

4. Заключение = Conclusions

Анализ прозаических текстов Б. Пастернака 1920-х годов показывает особенности использования средств субъектного дейксиса в формировании субъективно-авторского повествования.

Дейктический функционал закрепляется за комплексом языковых средств: личными местоимениями (средствами персонального дейксиса), средствами диалогизации (дискурсивными элементами), используемыми в качестве вторичных дейктических элементов, образующими сетку дейктических координат, которые, задерживая внимание читателя, определяют стратегию адекватной интерпретации текста.

Функционируя в рамках отдельного высказывания или фрагмента, они становятся условием его дискурсивизации и поддерживают целостность монтажного текста.

Непоследовательность в использовании форм субъективно-авторского повествования формирует неопределенность дейктического модуса, приводит к смещению логических мотивировок, формирует гибридные формы и осложняет процесс восприятия текста читателем.

Постепенный отказ от формы повествования от первого лица и обращение к другим способам актуализации точки зрения отражает процесс поиска способа установления дейктического паритета между автором (наблюдателем), которому известно истинное положение дел, и читателем.

Сложная система взаимодействия разных точек зрения, смена форм субъективно-авторского повествования, обусловленная необходимостью пропустить действительность через индивидуальное сознание, формирует новые отношения в системе автор — читатель, требующие от читателя активного сотворчества. Это не только отражает монтажность пастернаковской прозы, но и актуализирует категории образно-поэтической перцептивности, объединяющей прозу и поэзию Б. Л. Пастернака.

Источники и принятые сокращения

1. *Пастернак Б.* Собрание сочинений : в 5 т. / Б. Пастернак. — Москва : Художественная литература, 1991. — Т. 4. — 910 с. — ISBN 5-280-00984-9.
2. *Пастернак Б.* Из переписки с писателями / Предисл. и публ. Е. Б. и Е. В. Пастернаков / Б. Пастернак // Из истории советской литературы 1920 — 1930-х годов. Литературное наследство. — Москва : Наука, 1983. — Том 93. — С. 649—737.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика : сборник научных статей / Всероссийский институт научной и технической информации. — 1986. — Выпуск 28. — С. 5—33.
2. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 136—137.

3. Болдырев Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий / Н. Н. Болдырев // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2011. — № 1 (93). — С. 9—16.
4. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — Москва : Шк. «Мастера рус. Культуры»: Кошелев, 1997. — 576 с. — ISBN 5-88766-051-1.
5. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. — Москва : Прогресс, 1993. — 528 с. — ISBN 5-01-001595-1.
6. Гадамер Г. Г. Истина и метод / Г. Г. Гадамер. — Москва : Прогресс, 1988. — 699 с. — ISBN 5-01-001035-6.
7. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров // Новое Литературное Обозрение. — Москва : Новое литературное обозрение, 1996. — 276 с. — ISBN 5-86793-020-3.
8. Дейк ван Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. — Москва : Прогресс, 1988. — Выпуск XXIII. — 320 с.
9. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17—33.
10. Дымарский М. Я. Текст — дискурс — художественный текст / М. Я. Дымарский // Текст как объект многоаспектного исследования : Сборник статей научно — методического семинара «Textus». — Санкт-Петербург ; Ставрополь : СГУ, 1998. — Выпуск 3. — Ч. I. — 195 с. — ISBN 5-88648-083-8.
11. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX вв.) [Текст] / М. Я. Дымарский. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — 328 с. — ISBN 5-8360-0413-7.
12. Женетт Жерар. Фигуры / Жерар Женетт // В 2-х томах. — Москва : Издательство им. Сабашниковых, 1998. — Том 1—2. — 944 с. — ISBN 5-8242-0065-3.
13. Жолковский А. К. Поэтика Пастернака. Инварианты, структуры, интертексты / А. К. Жолковский // Новое Литературное Обозрение. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 608 с. — ISBN 978-5-86793-872-7.
14. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. — Москва : Наука, 1986. — 208 с.
15. Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX—XX вв. / Н. А. Кожевникова. — Москва : Институт русского языка РАН, 1994. — 336 с.
16. Кравченко А. В. Некоторые соображения о сознании и языке : гомункулус когнитивного интернализма / А. В. Кравченко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2013. — Выпуск 15. — С. 39—46.
17. Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — Москва : Языки славянских культур, 2004. — 556 с. — ISBN 5-94457-174-8.
18. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров : человек-текст-семиосфера-история / Ю. М. Лотман. — Москва : Языки рус. культуры : Кошелев, 1996. — 447 с. — ISBN 5-7859-0006-8.
19. Падучева Е. В. Семантические исследования / Е. В. Падучева. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 464 с. — ISBN 5-88766-046-5.
20. Пирс Ч. С. Принципы философии. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — 541 с. — ISBN 5-93597-012-0.

21. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. — Москва : Наука, 1981. — 361 с.
22. Сребрянская Н. А. Дейксис и его проекции в художественном тексте / Н. А. Сребрянская. — Воронеж : ВГПУ, 2005. — 255 с. — ISBN 5-88519-237-5.
23. Фатеева Н. А. Синтез целого. На пути к новой поэтике / Н. А. Фатеева. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — 352 с. — ISBN 978-5-86793-814-7.
24. Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака. Работы по поэтике / Р. Якобсон. — Москва : Прогресс, 1987. — 464 с.
25. Duchan J. F. Deixis in Narrative : A Cognitive Science perspective / J. F. Duchan, G. A. Bruder, L. E. Hewit. — Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1995. — xix+552 pp.
26. Segal E. M. Narrative Comprehension and the Role of Deictic Shift Theory. In : Duchan J. F., Bruder G. A. and Hewitt L. E. Deixis in Narrative : A Cognitive Science perspective / E. M. Segal. — Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 2002. — Pp. 3—17.
27. Stockwell P. Cognitive Poetics : An Introduction / P. Stockwell. — London ; New York : Routledge, 2002. — 191 p. — ISBN 0-203-99514-7.

Material resources

- Pasternak, B. (1983). From correspondence with writers. In: *From the history of Soviet literature of the 1920s — 1930s. Literary legacy*. Moscow: Nauka. 649—737. (In Russ.).
- Pasternak, B. (1991). *Collected works: in 5 volumes, 4*. Moscow: Fiction. 910 p. ISBN 5-280-00984-9. (In Russ.).

References

- Apresyan, Yu. D. (1986). Deixis in vocabulary and grammar and a naive model of the world. *Semiotics and Informatics: collection of scientific articles / All-Russian Institute of Scientific and Technical Information*, 28: 5—33. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1990). Discourse. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 136—137. (In Russ.).
- Akhapkin, D. N. (2012). Cognitive poetics and the problem of deixis in a literary text. In: *Cognitive research. Collection of scientific papers*. St. Petersburg: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 252—263. ISBN 978-5-9270-0241-2. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2011). The role of the interpretive function in the formation of language categories. *Bulletin of the Tambov University. The series "Humanities"*, 1 (93): 9—16. (In Russ.).
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). *Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)*. Moscow: Shk. "Masters of Rus. Culture": Koshchelev. 576 p. ISBN 5-88766-051-1. (In Russ.).
- Buler, K. (1993). *Theory of language. Representative function of language*. Moscow: Progress. 528 p. ISBN 5-01-001595-1. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (1994). Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach. *Questions of Linguistics*, 4: 17—33. (In Russ.).
- Dijk, van T. A., Kinch, V. (1988). Strategies for understanding a coherent text. In: *New in foreign linguistics. Cognitive aspects of language, XXIII*. Moscow: Progress. 320 p. (In Russ.).
- Duchan, J. F., Bruder, G. A., Hewit, L. E. (1995). *Deixis in Narrative: A Cognitive Science perspective*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum. xix+552 pp.
- Dymarsky, M. Ya. (1998). Text — discourse — artistic text. In: *Text as an object of multidimensional research: Collection of articles of the scientific and methodological seminar "Textus"*, 3 (1). St. Petersburg; Stavropol: SSU. 195 p. ISBN 5-88648-083-8. (In Russ.).

- Dymarsky, M. Ya. (2001). *Problems of text formation and artistic text (based on the material of Russian prose of the XIX–XX centuries)*. Moscow: Editorial URSS. 328 p. ISBN 5-8360-0413-7. (In Russ.).
- Fateeva, N. A. (2010). *Synthesis of the whole. On the way to a new poetics*. Moscow: New Literary Review. 352 p. ISBN 978-5-86793-814-7. (In Russ.).
- Gadamer, G. G. (1988). *Truth and method*. Moscow: Progress. 699 p. ISBN 5-01-001035-6. (In Russ.).
- Gasparov, B. M. (1996). Language. Memory. Image. Linguistics of linguistic existence. In: *New Literary Review*. Moscow: New Literary Review. 276 p. ISBN 5-86793-020-3. (In Russ.).
- Genette Gerard. (1998). *Figures: In 2 volumes, 1–2*. Moscow: Publishing House. Sabashnikov. 944 p. ISBN 5-8242-0065-3. (In Russ.).
- Himenok, V. I. (2016). Montage, literary and musical techniques in the prose of B. L. Pasternak (on the example of the story “Airways”). *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 11 (65): 36–54. (In Russ.).
- Kovtunova, I. I. (1986). *Poetic syntax*. Moscow: Nauka. 208 p. (In Russ.).
- Kozhevnikova, N. A. (1994). *Types of narrative in Russian literature of the XIX–XX centuries*. Moscow: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. 336 p. (In Russ.).
- Kravchenko, A. V. (2013). Some considerations about consciousness and language: the homunculus of cognitive internalism. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 15: 39–46. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2004). Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. In: *The role of language in the knowledge of the world*. Moscow: Languages of Slavic cultures. 556 p. ISBN 5-94457-174-8. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1996). *Inside thinking worlds: man-text-semiosphere-history*. Moscow: Languages of Russian culture; Koshelev. 447 p. ISBN 5-7859-0006-8. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1996). *Semantic research*. Moscow: Languages of Russian Culture. 464 p. ISBN 5-88766-046-5. (In Russ.).
- Pierce, C. S. (2001). *Principles of philosophy*. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. 541 p. ISBN 5-93597-012-0. (In Russ.).
- Schmid, V. (2003). *Narratology*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 312 p. ISBN 5-94457-082-2. (In Russ.).
- Segal, E. M. (2002). Narrative Comprehension and the Role of Deictic Shift Theory. In: *Duchan J. F., Bruder G. A. and Hewitt L. E. Deixis in Narrative: A Cognitive Science perspective*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum. 3–17.
- Srebrianskaya, N. A. (2005). *Deixis and its projections in a literary text*. Voronezh: VSPU. 255 p. ISBN 5-88519-237-5. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1981). *Names. Predicates. Suggestions*. Moscow: Nauka. 361 p. (In Russ.).
- Stockwell, P. (2002). *Cognitive Poetics: An Introduction*. London; New York: Routledge. 191 p. ISBN 0-203-99514-7.
- Yakobson, R. (1987). *Notes on the prose of the poet Pasternak. Works on poetics*. Moscow: Progress. 464 p. (In Russ.).
- Zholkovsky, A. K. (2011). Poetics of Pasternak. Invariants, structures, intertexts. In: *New Literary Review*. Moscow: New Literary Review. 608 p. ISBN 978-5-86793-872-7. (In Russ.).